

УДК 902.01 : 902.2 (470.324)

«ДОМА» ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ В ПАЛЕОЛИТЕ КОСТЁНОК

Мария Желтова

Институт истории материальной культуры РАН
Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
e-mail: mpraslova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4144-6490>

Костенковсько-Борщівський район на Дону представляє унікальну концентрацію палеолітичних пам'яток: від самого раннього верхнього палеоліту до пізнього. Залишки 60 поселень виявлені у культурних шарах 21 стоянки (багато зі стоянок багатощарові). При цьому, саме тут спостерігається рідкісна для палеоліту концентрація жител і поховань: житла виявлені на дев'яти стоянках (Костенки 1 (I), 2, 4, 8, 11, 13, 19, 21), ще на трьох стоянках житла передбачаються з різним ступенем впевненості (Костенки 3, 9, 15). У той же час, на стоянках з безсумнівними житлами присутні іноді інші об'єкти, інтерпретація яких в якості жител викликає низку питань. Поховання знайдені на шести стоянках (Костенки 1, 2, 12, 14, 15, 18).

Загалом стаття присвячена огляду різноманітності конструкцій жител і похоронних обрядів, оскільки і те, й інше, найкраще відображає уявлення різних груп древніх людей про устрій світу – живих і мертвих. Крім того, ставиться питання про те, чи всі об'єкти, опубліковані як житла, є такими.

Ключові слова: Костенки, верхній палеоліт, поселення, житла, поховання

В среднем течении Дона, на правом берегу, расположено знаменитое село Костёнки. На его территории насчитывается 21 палеолитическая стоянка, большинство из них - многослойные (рис. 1). Хронологические рамки обитания костёнковских стоянок охватывают практически всю эпоху верхнего палеолита – от самого раннего (более 42000 лет т. н.) до позднего (менее 14000 лет т. н.). Помимо типологического разнообразия индустрий, здесь представлены различные типы домостроения и организации поселений, а также - погребального обряда. Жилища обнаружены на девяти стоянках (Костёнки 1 (I), 2, 4, 8, 11, 13, 19, 21), еще на трех жилищах предполагаются с разной степенью уверенности (Костёнки 3, 9, 15). Надо отметить, что и на стоянках с несомненными жилищами присутствуют иногда другие объекты, интерпретация которых в качестве жилищ вызывает ряд вопросов.

Погребения найдены на шести стоянках (Костенки 1, 2, 12, 14, 15, 18), еще на трех – антропологические остатки вне контекста погребений (Костенки 8, 14, 17). Впрочем, два коренных зуба, найденных в Костенках 14 и 17, нас не интересуют в выбранном контексте. В двух случаях жилища и погребения обнаружены в одном слое одной и той же стоянки. Все эти сведения неоднократно опубликованы, целью этого обзора является суммирование последних данных и точек зрения, а главное – анализ связей между жилищами и погребениями. Стоянки Борщёво 1-5 не рассмат-

риваются в этом обзоре, так как на них пока не обнаружено ни жилищ, ни погребений.

Культурные слои костёнковских стоянок залегают в отложениях первой и второй надпойменных террас. Вторая надпойменная терраса на правом берегу Дона сложена аллювиальными отложениями, неоднократно переслоенными делювием, слагающим верх разрезов. Прослойки песков чередуются с суглинками и супесями. Мощность отложений варьирует от 11 м до 20 м. Верхняя часть разрезов включает две толщи гумусированных суглинков, в ряде разрезов встречена прослойка вулканического пепла. Культурные слои находятся, главным образом, в лессовидных толщах, перекрывающих аллювиальные и овражнобалочные отложения.

Основная часть стоянок связана с отложениями второй террасы (Костёнки 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 20), они располагаются, главным образом, в приустьевых частях логов. В долине Дона ко второй террасе относятся только Костёнки 17. Зато стоянки первой террасы располагаются как раз в долине Дона (Костёнки 3, 4, 19, 21). Первая терраса также имеет аккумулятивный характер, сложена супесчано-суглинистыми отложениями с преобладанием песков. Мощность аллювия в некоторых местах превышает 15 м. В верхней части пойменного аллювия и в перекрывающих его отложениях имеются слабо выраженные погребенные почвы и два горизонта с белоглазкой, что является важным

коррелирующим фактором [13, с. 17-37].

Стоянки с жилищами

Костёнки 1 (стоянка Полякова, слой I)

Жилые комплексы верхнего (I) слоя стоянки имеют некоторые аналогии лишь за пределами Костёнковско-Борщёвского района (Зарайск, Авдеево). Это обширные площадки овальных очертаний с цепью очагов по центральной оси и несколькими землянками разных конфигураций по периферии (рис. 2). Верхний слой на всей территории стоянки представляет собой сложное явление: в нем множество разнообразных объектов, существовавших одновременно, иногда накладывавшихся друг на друга. Подчас бывает трудно разобраться в последовательности их возникновения. На обширной площади стоянки обнаружено четыре жилых комплекса, из которых лишь первый раскопан полностью, второй – частично. Третий комплекс исследован на очень малой площади. Здесь не было встречено скоплений костей, но было расчищено восемь ямок. Четвертый комплекс вообще не изучен.

Первый комплекс был вскрыт раскопками П.П. Ефименко в 1931-1936 гг. Размеры площадки составляли 36 x 14-15 м, по периметру располагались четыре землянки глубиной около 1 м и двенадцать ям-кладовых. Комплекс был ориентирован по оси СЗ-ЮВ. Цепочка из девяти очагов делила его вдоль примерно поровну, ещё два очага были чуть в стороне от этого ряда. На всей площади наблюдалось множество ямок разной формы, глубины и размеров, с различным характером заполнения. Пологие выходы из землянок были обращены к цепочке очагов. В конструкции перекрытий участвовали крупные кости мамонта: над центральной частью находились бивни, у входа – черепа, лопатки и тазовые кости. Очаги в землянках встречались крайне редко, зато на полу было много костного угля. Характер культурного слоя заполнения ям-кладовых практически не отличался от заполнения землянок, так что название их весьма условно, а назначение не вполне ясно. В целом П.П. Ефименко считал 1-й комплекс остатками одного жилого сооружения, занимающего всю его площадь [8, с. 205]. А.Н. Рогачёв [18] и Г.П. Григорьев [28] сужали эту площадь довольно существенно. Землянка А, имеющая два входа – к оси очагов и основной – к круглой западине с очагом в центре, по версии А.Н. Рогачёва, образуют отдельный, более древний комплекс (рис. 2). Возможно, к нему

же относятся и два очага, находящихся в стороне от центрального ряда.

Второй комплекс был открыт А.Н. Рогачёвым в 1951 г., раскопки велись с 1971 г. по 1994 г. под руководством А.Н. Рогачёва и Н.Д. Праслова и до сих пор не закончены. Он имеет аналогичное первому комплексу устройство, но крупнее и богаче объектами. Здесь по периметру уже открыто десять одно- или двухкамерных землянок. По центральной оси также расположена цепочка очагов, их расчищено четыре (рис. 2). По всей площади большое количество разнообразных ямок, в одном случае очевидно превращение ямы-хранилища в дополнительную камеру землянки [25, с. 42-66]. Дат получено очень много, они укладываются в промежуток 18230 ± 620 (ЛЕ-3280) – 24570 ± 3930 (ЛЕ-4352).

Костёнки 2 (стоянка Замятниная) Жилище было открыто в 1953 г. П.И. Борисковским, который продолжил изучение стоянки после небольших раскопок ее первооткрывателя П.П. Ефименко (1923 г.) и С.Н. Замятниной (1927 г.). В конечном счете, на стоянке было вскрыто 147 м². Скопление культурных остатков пятиугольной формы, размерами 8 x 6.5 м, мощностью 0.5-0.6 м, располагалось на склоне с юго-восточной экспозицией и четко подразделялось в профиле на два горизонта. Очаг округлой формы находился в центре и представлял собой простое углубление в песчаном грунте диаметром 0.65 м и глубиной 0.10-0.15 м, заполненное черной золистой массой со множеством костных углей. Верхний горизонт находок залегал в суглинке и содержал, главным образом, крупные сортированные кости мамонта (около 2000 костей от 28 особей). В нижней части было довольно много вкопанных трубчатых костей, в то время как бивни концентрировались в верхней части скопления. Между костями почти нет других находок. Нижний горизонт скопления мощностью 0.1 м, залегавший в песке, имел темно-серую окраску. Он был насыщен осколками костей, костными углями, кремнями. «На основании состава и планировки культурных остатков в данном скоплении, а также аналогий с другими позднелепестовыми памятниками, оно может быть понято как остатки наземного жилища пятиугольной формы, построенного с применением крупных костей и бивней мамонта» [4, с. 68].

Погребальная камера овальной формы из костей мамонта примыкала к жилищу с юго-восточной стороны (рис. 3). Размеры камеры – 4 x 1.5 м по наружному периметру, по внут-

ренному – 2.2 x 0.55 м. Сама камера была расположена ниже жилища, но северо-восточная часть, примыкающая к жилищу, находилась на одном с ним уровне. Фрагменты черепа, ключиц, обе челюсти, плечевая кость и две фаланги пальцев рук были найдены в жилище, в 1.5 м от нижней части скелета, причем, выше по склону. В камере были обнаружены кости ног, тазовые кости, ребра и позвонки. Ноги были связаны (судя по положению левой ноги) согнутыми в коленях. Темный слой жилища прослеживался под северо-восточной частью камеры, не распространяясь внутрь. Судя по положению нижней части скелета, это было намеренное погребение в сидячем положении [3, с. 55-59]. Мужчина сидел, опершись на череп мамонта, замыкающий камеру с северо-запада, позднее сполз вниз. Как таковой, могильной ямы не было, но определенно был сделан врез в склон так, что получился уступ. Находка верхней части скелета далеко от погребальной камеры свидетельствует, скорее всего, о том, что покойный был засыпан до плеч [4, с. 68-69]. Погребение опубликовано как безинвентарное [3, с. 55-59], однако спустя значительное время при ревизии коллекции в фондах Отдела археологии МАЭ лаборант Отдела М.П. Андреева нашла небольшой пакетик с надписью «предметы из погребения». Нами был проделан трасологический анализ найденных предметов. Он показал, что погребальный инвентарь состоял, как минимум, из 11 орудий на пластинах, в основном, для обработки дерева и кости.

Кроме 1-го комплекса, включающего в себя жилище и погребение, позднее были исследованы еще два скопления культурных остатков – западина, заполненная костями (в основном это были фрагменты ребер мамонта, чуть меньше – костей конечностей), и округлое скопление 1.4 м в диаметре без четких границ. Оно содержало расколотые кости мамонта (в основном ребра и зубы), костные угли, охру, расщепленный кремний и кварцит. Даты: 11000±200 (ГИН-93), 16190±150 (ЛЕ-1599), 17300±150 (ГИН-8570), 23800±150 (ГИН-7992), 37900±900 (ГИН-7993).

Костёнки 4 (Александровская стоянка) открыты С.Н. Замятниным в 1927 г., раскапывались П.П. Ефименко в 1928, А.Н. Рогачевым в 1937-1938, 1953, 1959, автором статьи в 2013 годах.

Жилые комплексы, северный и южный, каждый из которых состоит из нескольких объектов, были обнаружены в 1937-1938 гг. А.Н. Рогачёвым, начавшим исследование сто-

янки широкой площадью (рис. 4). Первоначально поселение опубликовано как единое [15], позднее материалы были переосмыслены и разделены на два горизонта [16]. При этом к нижнему были отнесены южный комплекс и длинное жилище северного, а к верхнему – круглые жилища северного комплекса. Впоследствии проблеме горизонтов было посвящено специальное исследование, установившее существенно более сложную картину [11]. Поэтому имеет смысл рассматривать объекты не по горизонтам, а как самостоятельные единицы.

Южный комплекс состоит из длинного жилища, подразделяющегося на три расположенные в ряд секции, и трех внешних скоплений культурных остатков. Культурный слой, окрашенный ярко-красной охрой и насыщенный находками, локализовался в углублении 34 x 5.5 x 0.2-0.3 м, ориентированном с запада на восток, расположенном у самого края надпойменной террасы, почти параллельно ему. Максимальная насыщенность находками наблюдалась в центральной части, в зоне очагов. В 2 м к северу и на таком же расстоянии к югу от жилища находились два скопления находок. Третье, с восточной стороны, уходило под стенку раскопа. Культурный слой залегал на глубине 1.2-1.3 м от дневной поверхности.

Западную и среднюю секции разделял крутой порожек высотой 0.1 м, перерыва в окраске слоя и уменьшения количества находок не наблюдалось. Граница между средней и восточной секциями представляла собой незначительное поднятие пола и маркировалась полосой неокрашенного слоя с минимальным количеством находок. Внешние границы жилища были хорошо выражены, несмотря на небольшие нарушения в трех местах более поздними ямами.

Западная секция, самая большая – 14 x 5.6 м, была частично раскопана в 1927-1928 гг. П.П. Ефименко и С.Н. Замятниным, не оставившими полевых чертежей. Поэтому позднее была предпринята работа по реконструкции этого участка, позволившая с большой вероятностью заключить, что здесь, помимо обнаруженных А.Н. Рогачёвым трех очагов 0.6-0.55 м в диаметре, глубиной до 0.1 м, в линию с ними располагалось еще три очага [10]. Центральная часть секции была заполнена ярким насыщенным культурным слоем, полоса бледно окрашенного культурного слоя шириной до 1 м вдоль границ была значительно беднее находками. Такая же полоса шириной до 0.5 м располагалась вдоль всех

границ средней секции (размерами 9 x 5.4 м, глубина около 0.3 м, в северной части до 0.4 м), кроме западной. Четыре очага 0.55-0.45 м в диаметре, глубиной 0.12-0.1 м располагались по продольной оси на неравных расстояниях друг от друга. Самый маленький, по всей видимости, имел что-то вроде канала для поддува: к нему примыкало продолговатое углубление шириной 0.08-0.1 м, длиной 0.5 м, забитое очажной массой и напоминавшее «широкую и длинную кротовину, связанную с очажным углублением» [16, с. 92]. Другой такой очаг известен только в первом комплексе Костенок 19.

Длина восточной секции не превышала 10.5 м, глубина – 0.25 м. Ярко окрашенный слой залегал только в центральной части секции, нигде не подходя к краям ближе, чем на 0.6 м. Три очага располагались на расстоянии 2 м друг от друга и были шире и глубже всех предыдущих: диаметр составлял 0.65 м, глубина – 0.13 м. Только последний очаг был менее глубок – 0.07 м. Все очаги содержали значительное количество расщепленного кремня со следами пребывания в огне. Еще один, четвертый очаг восточной секции, в самом западном ее конце, был заполнен обычным культурным слоем с находками, будучи заброшен после непродолжительной эксплуатации (на самом дне были обнаружены небольшие признаки зольности).

Большая часть из 52 ям длинного жилища содержала окрашенный охрой культурный слой с находками, лишь четыре ямы западной секции могут быть интерпретированы в качестве столбовых по характеру заполнения и расположению. В одном случае жердь была закинута куском трубчатой кости лошади и ребром мамонта [16, с. 97]. Вход в жилище, по крайней мере, для западной и средней секций, находился на их границе с северной стороны жилища и представлял собой углубление шириной 0.65 м, глубиной 0.16 м, образующее уступ.

Годом позже примерно в 17.5 м к северу от первого длинного жилища было обнаружено второе (северный комплекс). Длинное жилище, при общем сходстве с южным, имеет ряд отличий. Жилое углубление ориентировано с северо-запада на юго-восток, расположено под небольшим углом к южному длинному жилищу. Размеры его составляли 23 x 5.5 x 0.25-0.3 м. В отличие от южного жилища, здесь, в центральной части, возле очагов концентрация находок существенно ниже, чем по краям, где нет полосы бедного находками бледного

слоя. По продольной оси здесь располагалось девять округлых очагов 0.55-0.95 м в диаметре и до 0.14 м глубиной. К некоторым из них прилегли пекарные ямки.

Из 25 ям северного жилища ни одна не интерпретировалась в качестве столбовой. Но снаружи, в 0.6 м к северо-западу от границы жилища, в ряд были вбиты три крупных осколков трубчатых костей мамонта, сильно выветренных по сравнению с фрагментами костей, залегающими в жилищах. Они могли использоваться для упора жердей кровли или, по предположению А.Н. Рогачёва, для крепления мощной земляной завалинки. Однако следов такой завалинки на этом относительно ровном участке поверхности поселения в процессе раскопок отмечено не было.

Интересной особенностью северного жилища является наличие четырнадцати ям с прослойкой красной охры на дне, в которой залегала черная галька кремнистой породы. Иногда там же были раковины моллюсков или другие предметы, но черная галька в слое красной охры присутствовала обязательно. Размеры ям варьировали между 0.2-0.4 м в диаметре и столько же в глубину.

С юго-запада и с востока к длинному жилищу примыкали два округлых углубления, каждое с очагом в центре. Западное, диаметром 6 м, глубиной 0.5 м в северо-западной части и 0.1 м в восточной, было частично врезано в южную стенку длинного жилища. При начале разборки этого участка слоя оно представляло собой крупное скопление находок диаметром около 10-11 м и сливалось с аналогичным скоплением на востоке. Окраска слоя была бордово-коричневой, в отличие от ярко-красного заполнения длинного жилища. Мощностъ слоя, по краям совершенно незначительная, к центру жилищ достигала 0.5 м. Как и у длинных жилищ, глубоко врезанной в суглинок была северная сторона. К юго-востоку она становилась все более пологой и, в конце концов, плавно сливалась на юге с древней дневной поверхностью. В направлении естественного склона культурный слой выходил за пределы жилища.

В центре жилища находился округлый очаг диаметром 0.8-1.1 м, глубиной около 0.1 м. В его края по периметру было врезано пять пекарных ямок [16, с. 28]. Очаг и пространство вокруг него были перекрыты овальным пятном черной очажной массы 2.5 x 1.5 x 0.15 м.

В полу жилища было обнаружено 17 ям, по большей части вокруг очага. В четырех были найдены сланцевые диски, в большинстве –

пластины, сланцевые отщепы, орудия.

К конструктивным деталям этого жилища предположительно можно отнести 6 крупных фрагментов бивня и несколько крупных костей мамонта [16, с. 26]. Однако самым интересным элементом было дугообразное скопление камней в верхней части слоя, по внешнему краю жилища с западной и северной сторон. Оно состояло из нескольких крупных каменных плит и десятков мелких плиток и камней, залегающих в наклонном положении. Аналогичные скопления располагались и вдоль южного и северо-восточного краев жилища. На восточном краю жилища находились вкопанный эпифизом вниз фрагмент плечевой кости мамонта и каменная плита.

Выше слоя к юго-западу от очага находились рядом две черепные коробки пещерного льва. Высказывалось предположение, что эти черепа, как и череп овцебыка в Костёнках 1, венчали кровлю жилища. В связи с этим хочется отметить, что в жилище верхнего слоя Костёнок 8, весьма похожем на описываемый нами объект, у входа был также найден череп пещерного льва.

Строение восточного жилища в какой-то степени схоже со строением западного. Оно имело диаметр 6-6.5 м, глубину до 0.4 м. Окрашенный культурный слой распространялся вне углубления на 1-1.5 м. Юго-западный, южный, юго-восточный края жилища были круты и хорошо выражены. Северный край был нечетким, здесь наблюдалось слияние пола круглого и длинного жилищ и слияние культурных слоев. На стыке с длинным жилищем, на западе и северо-западе, наблюдался уступ, от которого пол плавно понижался в обоих жилищах. На восточном краю жилища имелась широкая плоскодонная яма 1.3 x 0.8 м, глубиной 0.15 м от пола жилища, наполовину выходящая за пределы жилища. Вполне возможно, что она представляла собой вход.

Вдоль южного края жилища располагался вал из суглинка, шириной 0.4-0.5 м, высотой 0.05-0.09 м, перекрытый тонким окрашенным слоем, сливавшимся с заполнением жилища. У восточного конца вала находился крупный камень и вбитый вертикально фрагмент трубчатой кости мамонта. А у западного края жилища имелось скопление крупных каменных плит, залегающих в наклонном положении, также образующее вал. Кроме того, в северном комплексе был расчищен еще вал из меловой щебенки и кусков мергеля высотой 0.1-0.15 м и шириной до 1.5 м, пересекавший длинное жилище поперек в его северной час-

ти, на нем располагался очаг №1. Похожий вал, но меньших размеров, находился внутри длинного жилища на месте его стыка с западным круглым. Судя по всему, эти каменные выкладки играли роль элементов внутренней планировки, наряду с ямками-хранилищами [9, с. 30].

Помимо описанных объектов, к северному жиллому комплексу относится скопление костей лошади и сайги к северо-западу от длинного жилища. В нем было найдено около 100 кремней и более 50 кварцитовых предметов, в том числе орудий. Даты: южный комплекс – 23000±300 (ГИН-7994), 22800±120 (ГИН-7995), 24790±190 (ОхА-30193), 25290±210 (ОхА-30194), северный комплекс - 20290±150 (ОхА-8310), 24710±200 (ОхА-30196).

Костёнки 8 (Тельманская стоянка) открыты А.Н. Рогачёвым в 1936 г. Здесь обнаружено пять культурных слоев (включая слой Ia), остатки жилищ найдены в слоях I и II.

Жилище (полуземлянка) I слоя представляло собой округлое углубление диаметром 5.2-5.7 м, глубиной 0.5-0.7 м. Культурный слой залегал в буром лессовидном суглинке на глубине 1.8-2 м от поверхности, причем насыщенность его не уменьшалась за пределами землянки в западную сторону, где был вход [17, с. 45]. Возможно, это была зона интенсивной внешней хозяйственной деятельности. На плавно повышавшемся к входу полу залежала золистая прослойка, где кроме мелких находок, было несколько крупных костей мамонта и кости волка в анатомической связке. У входа был найден череп пещерного льва. Выше этого горизонта жилище заплывало культурным слоем с обломками костей и многочисленными кремнями (внутри их мало). В центре полуземлянки находился округлый очаг диаметром 0.8 м, заполненный золистой субстанцией со множеством костных углей. Он частично перекрывал две из шести ям-хранилищ. Эти ямы 0.5 м в диаметре и 0.5 м глубиной были заполнены культурным слоем.

Жилища II слоя представляют собой локализованные скопления культурных остатков с неглубокими округлыми очагами в центре. Культурный слой неравномерный, имеет мощность в среднем 0.2 м, насыщен мелкими осколками костей, угольками, кусочками охры, нарушен мерзлотными деформациями. Крупных костей мамонта и бивней нет. Скопления имеют четкие границы, концентрация находок внутри очень высока, в то время как вокруг них почти пусто. Два скопления имеют округлую форму и диаметр 6-7 м. Третье скоп-

ление овальное, 20 м длиной, 8-10 м шириной, с тремя очагами, расположенными не в линию. Может быть, оно представляет собой следы одного жилища, последовательно переносившегося с места на место. Хотя никаких признаков границ внутри скопления не обнаружено. Так что в итоге здесь предполагаются остатки пяти легких наземных жилищ, построенных без участия крупных костей мамонта. Хронологическая позиция их относительно друг друга не ясна.

Антропологические остатки в виде мелких обожженных с внутренней стороны фрагментов черепа и некоторых других костей были обнаружены у западного края южного жилища II слоя, в 3-х метрах от очага [19, с. 92-109]. Даты: I слой – 22000±160 (ГИН-7998), 22900±120 (ГИН-7997), II слой – обожженные кости черепа человека 23020±320 (ОхА-7109), 24500±450 (ГИН-7999), 27700±750 (GrN-10509), 27670±270 (ОхА-30198), 27620±270 (ОхА-30197).

Костёнки 11 (Аносовка 2) – четырехслойная стоянка, в слое Ia которой найдены остатки трех комплексов с наземными округлыми костно-земляными сооружениями аносовско-мезинского типа.

Южный комплекс был полностью исследован в 1960-1965 гг. [1]. Он музеефицирован и экспонируется в здании музея в с. Костенки. В его конструкции присутствуют кости, по меньшей мере, 36 особей мамонта. Они сортированы и уложены в виде правильной кольцеобразной выкладки диаметром около 9 м, причем отдельные участки имеют разные конструктивные особенности. К примеру, юго-западная часть по внешнему краю выложена восемью челюстями мамонта зубами вниз, над ними – две челюсти зубами вверх. Южная стена сложена лопатками, тазовыми и вкопанными покосившимися крупными трубчатыми костями. Во внутренней части сооружения костей вообще меньше, при этом преобладают плоские – тазовые и лопатки. Но в целом можно констатировать участие в конструкции всех частей скелета мамонта. Северо-западная часть сооружения сильно повреждена современной хозяйственной ямой. Наивысшая концентрация находок наблюдается в центре сооружения, у стен она гораздо меньше, между костями практически находок нет. Рядом с костно-земляной стеной попарно залежали черепа мамонта [19, с. 121]. Северо-западная половина жилища на расстоянии около 1 м от него полукольцом окружена пятью ямами-хранилищами овальной формы, размерами

2,2 x 1,3 м. В заполнении ям встречено много костей мамонта.

Северный комплекс, расположенный в 17 м к северо-востоку от первого, был изучен частично в 1970 г. на площади 60 м². Здесь была расчищена часть костно-земляного сооружения, практически идентичного южному. Рядом находилась круглая яма-кладовая диаметром 1,65 м, глубиной 0,8 м. В ней было обнаружено нагромождение крупных костей мамонта, плоских, трубчатых и ребер. С большой вероятностью можно предположить, что они представляли собой часть перекрытия ямы.

Открытие в 2013-2014 гг. на стоянке остатков третьего комплекса (рис. 5), в 17 м к западу от первого, стало значительным и неожиданным событием. В первых публикациях [2, с. 108-123; 27, с. 19-32] уже представлены промежуточные итоги исследований. Это сооружение по своему устройству аналогично двум, открытым ранее: такая же кольцевая костно-земляная конструкция, окруженная ямами-хранилищами. Однако новое сооружение больше по размерам (11-12 м в диаметре). Внешние объекты находятся на расстоянии 1-1,5 м от него. Общее количество костей составляет около 3000, минимальное количество особей мамонта – 64, при этом наблюдается высокий процент костей ювенильных особей [6, с. 47]. Распространение находок также несколько отличается – показательно распределение каменных артефактов по всей площади сооружения: в заполнении костей внешнего пояса обкладки, структур внутреннего пояса и по всей площади центра скопления [6, с. 50, 53]. Даты имеют широкий разброс в диапазоне: 12000±100 (ЛЕ-1403) – 19900±350 (ГИН-2532).

Костёнки 13 (Кельсиевская стоянка) находятся в непосредственной близости от Костёнок 1. В отличие от Костёнок 1, культурные остатки которых приурочены ко второй надпойменной террасе, здесь слой залегают на поверхности третьей скульптурной террасы в тонком прослое делювиального суглинка, лежащего на сеноманском песке. Остатки поселения были разрушены в древности склоновыми процессами, слой переотложен и залегают в промоинах. Но в 1958 г. и в 1974 г. удалось обнаружить два небольших участка культурного слоя мощностью около 0,2 м, сохранившихся в неплохом состоянии. Здесь были расчищены три западины, наиболее интересная из которых содержала золистое заполнение с большим количеством костей песка, принадлежавших, как минимум, 16 особям. Рядом на-

ходила полужемлянка костенковско-авдеевского типа с разрушенным скоплением крупных костей мамонта. Полужемлянка не докопана, южный конец не вскрыт, однако очевидно, что длина ее составляет более 4 м, ширина 2 м, глубина 0.95 м. В северной части находились два черепа мамонта, две лопатки, два бивня и ребра. В расширенной части значительные скопления костей, в одном – половинки тазовых, в другом – бивни и трубчатые кости [18, с. 140-145].

Костёнки 19 (стоянка Валукинского) открыта в 1956 г. П.И. Борисковским. Единственный культурный слой стоянки залегал в делювиальных суглинках первой надпойменной террасы на глубине от 4.2 м в высокой части берегового обрыва до 1 м в восточной части стоянки.

Планиграфически выделяются три комплекса. Первый – с конструктивно сложным очагом и мелкими осколками костей вокруг него, притом на расстоянии 1.5-2 м довольно много костей мамонта, волка и лошади, в т.ч. крупные [3, с. 145-149]. Очаг имел диаметр около 0.7 м, глубину 0.25 м, дно его было бугристым и, как и стенки, сильно обожженным. К нему примыкала канавка для поддува.

Мастерская по обработке кремня с очагом в центре – третий комплекс – представляла собой вытянутое скопление (3 x 6 м) расщепленного кремня, в котором были найдены две раковины с отверстиями и членник ископаемой морской лилии.

Небольшое наземное жилище реконструируется во втором комплексе по строгой локализации культурных остатков, образующих овальное скопление 5 x 3.5 м с золистым слоем вокруг очага. В качестве конструктивных элементов рассматриваются вертикально врытые кости мамонта: малая берцовая, фрагмент тазовой, три эпифиза крупных трубчатых костей. Вероятно, конструктивным элементом является и выкладка из костей конечностей мамонта, тазовых, ребер и плиток песчаника, а также две группы вертикально вбитых и заклиненных костей. Округлый очаг с шестью пекарными ямками, аналогичный очагу западного жилища Костёнок 4, слегка смещен к южной стенке. Вокруг него обширное охристо-золистое скопление. Одна из ямок диаметром 0.25 м, глубиной 0.25 м была облицована внутри пластинками зуба мамонта, в ней в охристо-золистом заполнении вертикально стоял обломок ребра лошади, был найден клык волка и дебитаж. Все это было прикрыто эпифизом бедренной кости мамонта.

Другие два жилища – в первом комплексе и в третьем – выделены только по локализации культурных остатков в плане и профиле. Если в скоплениях мощность слоя составляла 0.1-0.15 м, то между скоплениями разброс находок мог достигать 0.4 м. Датy: 11800±500 (ГИН-107), 17420±150 (ЛЕ-1705а), 18900±300 (ЛЕ-1705б), 18700±600 (ГИН-8577).

Костёнки 21 (Гмелинская стоянка) открыта Н.Д. Прасловым в 1956 г. на низкой первой надпойменной террасе Дона. Здесь обнаружено три культурных слоя, интересующие нас остатки жилищ относятся к III слою. Они залегают в ископаемой Гмелинской почве, венчающей пачку лессовидных суглинков и перекрытой слоистыми отложениями пойменного аллювия. Культурный слой был частично нарушен мерзлотными и другими процессами, связанными с паводковыми затоплениями стоянки после ее оставления. Эти деформации привели к большому разбросу находок по вертикали (до 0.3 м) при мощности слоя всего 5-10 см. Протяженность поселения вдоль Дона – около 200 м. При этом находки концентрируются в шести комплексах, между ними они единичны [14].

Комплексы (термин употребляется Н.Д. Прасловым и М.А. Ивановой вместо «жилище», поскольку тип жилища не совсем понятен) представляют собой округло-овальные скопления с высокой концентрацией находок, залегающих в золистом слое. В трех из них обнаружены очаги глубиной 0.2 м, диаметром от 0.7 м до 1 м. Одно из жилищ находилось на слегка заболоченном участке, что заставило его обитателей вымостить прилегающую площадь плитками девонского известняка. Вымостка шла полукольцом по внешнему контуру жилища, охватывая его с юга и востока. Очаг внутри был сдвинут подальше от входа к восточной стенке. Возможно, для крепления жердей или столбов служили две ямки, забутованные камнями. Другие два комплекса лишены даже таких конструктивных деталей. Планиграфическому анализу поселения было посвящено специальное диссертационное исследование М.А. Ивановой (1984), показавшее разную хозяйственную направленность жилых комплексов. Датy: 16960±300 (ЛЕ-1043), 22270±150 (GrN-7363), 21260±340 (GrN-10513), 26765±2000 (ТА TL).

Стоянки, где предполагается наличие жилищ

Костёнки 3 (Глинище) были открыты в 1923 г. Д.Д. Леоновым, сотрудником Воронеж-

ского краеведческого музея, работавшего в составе экспедиции под руководством П.П. Ефименко. Раскоп 1923 г. был площадью 35 м². В 1927 г. раскопки продолжил С.Н. Замятнин. В последующие годы А.Н. Рогачёвым и З.А. Абрамовой производилась шурфовка, не давшая ничего, кроме отдельных находок. Наиболее подробное описание стоянки дано П.И. Борисковским [3]. На стоянке было обнаружено два аналогичных друг другу скопления культурных остатков с четкими границами 5.5 м в диаметре. Мощность культурного слоя, имевшего малиновую или красновато-лиловую окраску, составляла 0.1-0.15 м с утолщением в центре до 0.25 м [7, с. 534]. Размеры скоплений и локализация культурного слоя, окрашенного красной охрой и насыщенного мелкими угольками и осколками костей, напомнили авторам раскопок длинные жилища Костёнок 4. На схеме раскопа П.П. Ефименко видны контуры большого очага и двух малых [3, с. 158], других чертежей не сохранилось. Выявленные объекты были частично разрушены Доном, на настоящий момент уничтожившим всю территорию стоянки. Очаги также были размыты. Таким образом, мы не можем проанализировать ни документацию, ни ситуацию на памятнике в полевых условиях. Следовательно, говорить о наличии жилищ в Костёнках 3 было бы недостаточно обоснованно. Единственная дата: 19800±210 (ГИН-8022).

Костёнки 9 (Бирючий лог) расположены в непосредственной близости к Костёнкам 8 (около 50 м). Стоянка открыта П.П. Ефименко в 1937 г. В 1959 г. А.Н. Рогачёв заложил раскоп площадью 50 м². При этом было обнаружено округлое скопление культурных остатков 5-6 м в диаметре, с очагом в центре. Очаг был частично разрушен современной ямой. Скопление уходило под стенку раскопа, из-за построек докопать этот участок оказалось невозможно. Пол в скоплении ощутимо, но плавно понижался к центру. Можно предположить здесь остатки жилища, устроенного либо в естественной западине, либо слегка углубленного [19, с. 109-113]. Вне скопления находки были единичны.

Костёнки 15 (Городцовская стоянка) расположены на юго-западном склоне приустьевом мыса Александровского лога, противоположном склону, где находятся Костёнки 8 и 9. Стоянка была открыта в 1951 г. [17, с. 106-118]. Единственный культурный слой залегает в верхней части суглинков, подстилающих верхнюю гумусированную толщу и перекры-

вающих нижнюю. Гумусированные прослойки находятся в нижней части пачки бурого лессовидного суглинка. В 1952 г. была вскрыта линза культурного слоя в форме неправильного овала диаметром около 6 м, мощность слоя в центре достигала 0.3-0.4 м. Слой был насыщен фрагментами костей, кремнями и древесными угольками, было обнаружено два зольных пятна и несколько пятен охры. У краев линзы находился ряд костей в вертикальном положении, концами уходивших в суглинок, подстилающий культурный слой. Компактное залегание слоя в пределах линзы, а также вкопанные вертикально кости позволили А.Н. Рогачёву высказать предположение о наличии здесь жилища [19, с. 163]. Однако позднее был произведен специальный планиграфический анализ расположения культурных остатков, результаты которого опровергают такую точку зрения [26].

В частности, проанализировав расположение и сортировку вбитых костей, В.Я. Сергин приходит к выводу, что они не могли служить конструктивными элементами, отмечающими край жилища. Золистые же пятна не имели четких границ, к тому же более выраженное из них выходило за пределы рассматриваемой концентрации находок. Отсутствие очага тоже ставит под сомнение факт существования жилища. Никаких причин, по которым он мог бы не сохраниться, не выявлено. Как не выявлено ни малейшей углубленности «пола жилища», под которым, как считалось, была вырыта могильная яма овальной формы размера 1.24 x 0.8 x 0.43 м (рис. 6).

Дно было густо засыпано красной охрой, у восточной стенки ямы лежала куча ярко-желтой глины толщиной около 5 см, а на ней – крупный нож из трубчатой кости мамонта, медиальная часть которого практически не сохранилась. Предполагается, что она истлела от того, что на нем сидел покойный, тазовые кости и нижняя часть позвоночника которого также превратились в труху. Скелет ребенка 6-7 лет был обнаружен лежащим в нарушенном анатомическом порядке: череп – в северной части ямы, остальные кости – в южной, под длинными костями конечностей – нижняя челюсть. Справа от него компактно залегало около 70 кремневых отщепов и пластин, десяток скребков и проколка, а слева – костяная игла с обломанным ушком и ложило. Головной убор был расшит 150-ю зубами песка с отверстиями. Сидячее скорченное положение трупа определяется без сомнений. Судя по плохой сохранности костей, погребение не

было засыпано на протяжении достаточно долгого времени. Судя по фрагменту лопатки мамонта, залегавшей на бедрах и голених скелета, а также завалу костей в яме над погребённым, могила была перекрыта конструкцией из костей. Хотя точка зрения В.Я. Сергина, считающего, что лопатку и ребро специально положили уже на упавшие останки, таким образом завершив фазу погребального обряда [26, с. 50], тоже представляется вполне вероятной. После этого могила перестала иметь статус особого объекта, поэтому-то поверх нее и находился обычный культурный слой. Даты: 21720±570 (ЛЕ-1430), 25700±250 (ГИН-8020).

Стоянки с погребениями, без жилищ

Костёнки 1 (III) Остатки сильно разрушенной могильной ямы (?), засыпанной красной охрой, были открыты в 1989 г. От скелета остались зуб, две берцовые кости и обломок тазовой – очень плохой сохранности. Судить о деталях невозможно, о наличии погребального обряда свидетельствует только засыпка скелета охрой [5, с. 84-85]. Даты: от 20900±1600 (ГИН-4848) до 38080±3200 (АА-5590), кость человека – 32600±1100 (ОхА-7073).

Костёнки 12 (Волковская стоянка) открыта А.Н. Рогачёвым в 1950 г. на правом берегу приустьевом мысу Покровского лога. Здесь обнаружено три культурных слоя, к верхнему (I) из них и относится погребение. Слой приурочен к верхней части гумусированной толщи, мощность его в среднем не превышает 0.4 м, правда, на участках больших скоплений костей доходит до 0.6 м. Слой перетолжен делювиальными процессами.

Антропологические остатки представляют собой плохо сохранившийся скелет новорожденного младенца, лежавшего прямо на земле на правом боку, головой на юг. Не прослеживается каких-либо деталей погребального обряда – ни ямы, ни инвентаря, ни засыпки охрой. Череп буквально раздавлен на мельчайшие кусочки. Из определимых фрагментов от него остались лишь барабанные кости височных костей, мелкие обломки основания, лобной и скуловой кости. Из посткраниального скелета уцелели бедренная и большеберцовая кости правой ноги, кости правой руки – плечевая, локтевая и фрагмент лучевой, правая ключица, левая подвздошная кость, обе лопатки, мелкие фрагменты ребер и 2 плюсневые [5, с. 92-93]. Антропологи определяют возраст младенца около 10 дней от роду. Даты: IRSL 27680±2360 (UIC-619), 26300±300 (ГИН-8574).

Костёнки 14 (Маркина Гора) открыты П.П. Ефименко в 1928 г. Исследовалась на протяжении многих лет А.Н. Рогачёвым, работы продолжают по настоящее время под руководством А.А. Синицына. Ни в одном из четырех культурных слоев не было обнаружено объектов, которые бы интерпретировались как жилые. Погребение не связано непосредственно ни с одним культурным слоем, оно залежало ниже III культурного слоя. Над могилой в слое находилась обычная западина, в которой мощность культурного слоя увеличилась до 27 см при средней мощности 20-25 см. Могильная яма овальной формы размерами 0.99 x 0.39 м была вырыта в светлом коричневатом суглинке, в стенках имелись линзы вулканического пепла, отсутствовавшего в заполнении ямы, представлявшем собой светлый суглинок. Глубина ямы составляла 0.48 м в западной части и 0.31 м – в восточной. Дно было посыпано темно-красной охрой. Выше скелета в восточной части ямы были найдены фаланга мамонта и лопатка зайца, скорее относящиеся к III культурному слою (заполнение было нарушено провалом в части ямы). В области таза лежало три кремневых отщепов. Скелет мужчины возрастом около 25 лет, очень хорошей сохранности, лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на запад (рис. 7). Слишком компактное положение скелета заставляет предположить, что он был погребен связанным. Правая рука была сжата в кулак, первая фаланга среднего пальца находилась между челюстями [5, с. 95-101]. Даты: III слой 30080±590/550 (GrN-21802), 31760±430/410 (GrN-13288), горизонт пепла между слоями III и IV 32429±440/420 (GrN-18053).

Костёнки 18 (Хвойковская стоянка) открыты А.Н. Рогачёвым в 1953 г. на левом приустьевом мысу Покровского лога. Памятник расположен в средней части мыса, сложенного сеноманским песком. В ходе строительных работ здесь было обнаружено погребение ребенка и ямы, не похожие на землянки или ямы-хранилища. Палеолитический слой залегает в подстилаемой прослойкой фосфоритов супеси мощностью 0.2-0.3 м, перекрывающей коренные отложения сеноманского песка. Местами наблюдается верхняя прослойка фосфоритов выше слоя. Из-за неглубокой позиции он оказался сильно разрушен ямами селища эпохи бронзы.

В 1959 г. были обнаружены три ямы и скопление костей мамонта. Одна из них, овальной формы, размерами 1.45 x 1 м, по-видимому,

была ямой-кладовой. Она полностью изучена. Заполнение ее включает большое количество крупных костей, в западной части на дне находился золистый слой с костными углями, в восточной его не наблюдалось. Две другие ямы не исследованы, как и скопление костей, работы остановлены на начальной стадии. Большое количество костей мамонта в заполнении ям, находящихся рядом, позволило предположить, что они могут оказаться камерами одной землянки [19, с. 188].

В 1953 г., помимо погребения, были обнаружены еще три ямы – одна в 1 м к югу от могилы и две поодаль (в 18 м к северо-западу и 150 м к востоку). Ближайшая к погребению яма размерами 1.4 x 0.6 м, глубиной 1.3-1.75 м от дневной поверхности, была заполнена сеноманским песком, в котором и вырыта, и дно прослеживалось только по скоплению крупных трубчатых костей мамонта. В заполнении найдены куски лессовидного суглинка, не встречающегося на мысу, где расположена стоянка. Вторая, северо-западная яма, не читается как таковая – здесь на глубине около 1 м найдено в компактном залегании 3 позвонка плезиозавра, обломок бивня и фрагмент тазовой кости мамонта. Третья яма, восточная, была вырыта в плотном сероватом суглинке с меловой галькой, границы прослеживались очень хорошо. Яма имела 8-образную форму, отвесные стенки, размеры составляли 2.26 x 0.79-0.85 м, глубина около 1 м. Дно окрашено охрой и посыпано сеноманским песком, в заполнении – крупные кости мамонта.

Погребение было повреждено при строительных работах разного времени. Сохранились остатки могильной ямы (северо-восточный край) глубиной около 0.4 м, уровень впуска проследить не удалось. Окрашенности заполнения не наблюдалось, сопровождающий инвентарь отсутствовал. Ребенок 6-7 лет лежал на левом боку, головой на юго-запад, в скорченном положении (рис. 8). Над ним залегали тремя ярусами крупные кости мамонта. Непосредственно на скелете залегали две лопатки (над черепом и грудью) и две большие берцовые, над ними вдоль могилы – плечевая, большая берцовая и две локтевые, верхний ярус состоял из 2-х больших берцовых, малой берцовой, бедренной, плечевой и бивня, уложенных поперек могильной ямы. По всей видимости, это нагромождение костей представляет собой остатки перекрытия могилы. Из-за сильных повреждений трудно точно судить о его конструкции. Признаков культурного слоя вокруг объекта не обнару-

жено. Даты: 17900±300 (ГИН-8024), 19300±200 (ГИН-8576), 20600±140 (ГИН-8032), позвонок человека – 21020±180 (ОхА-7128).

Заключение

Рассмотрев все сведения о жилых сооружениях костёнковских стоянок, трудно не заметить, что они делятся на две категории: жилые конструкции и концентрации культурных остатков, интерпретируемые как жилища. К первой категории можно отнести лишь те объекты, которые имеют явные конструктивные элементы – искусственно созданные углубления, вбитые в землю кости, забутованные ямки, сортированные выкладки костей, каменные и земляные насыпи и т.д. (не обязательно все сразу). Наличие очага также является весомым признаком в пользу определения объекта как жилого. Без сомнения играет роль и разный характер культурного слоя внутри и вне жилища. Однако многочисленные концентрации культурных остатков, кочующие из публикации в публикацию в качестве жилищ, требуют в каждом случае подробного анализа, как было сделано В.Я. Сергиным для Костёнок 15. Полагаю, что в их появлении в археологической литературе не в последнюю очередь «повинно» сравнительно недавно для того времени открытие С.Н. Замятниным палеолитических жилищ как таковых, что не могло не повлиять на взгляды его ученика А.Н. Рогачёва.

Что касается связи жилищ и погребений, то они устанавливаются без сомнений только в одном случае – это Костёнки 2. Каковы были отношения между живыми и мертвыми во всех остальных ситуациях – вопрос открытый и требующий дальнейших исследований. Одно можно сказать и сейчас – красная (или других оттенков) охра воспринималась человеком как маркер его пространства, для жизни или смерти. Она либо присутствует в виде примесей в культурных слоях стоянки, либо откровенно маркирует жилое (Костёнки 4) или «мертвое» пространство – Костёнки 14, 15. В некоторых случаях вместо символического маркера в виде охры служит имитация жилища – как, например, костяная камера Костёнок 2. То есть мы наблюдаем сложение двух (или более) разных стереотипов поведения живых по отношению к мертвым.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. Санкт-Петербург: Нестор-история, 2008. 304 с.

2. Ахметгалеева Н.Б., Дудин А.Е., Федюнин И.В., Петрова Е.А. Предварительные данные об особенностях обработки кости на стоянке Костенки 11, 1а культурный слой // Естественнонаучные методы в изучении и сохранении памятников Костенковско-Борщевского археологического района. Воронеж, 2017. С. 108-123.
3. Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона / Материалы и исследования по археологии СССР (МИА СССР). № 121. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. 231 с.
4. Борисковский П.И., Дмитриева Т.Н. Костенки 2 (стоянка Замятнина) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Д. Рогачев. Ленинград: «Наука», 1982. С. 67-72.
5. Герасимова М.М., Астахов С.Н., Величко А.А. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания (иллюстрированный каталог палеоантропологических находок в России и на смежных территориях) / Ред. С.Н. Астахов. Санкт-Петербург: Нестор-история, 2007. 240 с.
6. Дудин А.Е. Планиграфия третьего комплекса 1а культурного слоя стоянки Костенки 11 // Записки Института истории материальной культуры (ИИМК РАН). 2018. № 17. С. 45-54.
7. Ефименко П.П. Первобытное общество. 3-е издание. Киев, 1953. 663 с.
8. Ефименко П.П. Костенки I. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1958. 484 с.
9. Желтова М.Н. Каменные выкладки как конструктивные элементы северного жилого комплекса Костенок 4 // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костенках / Отв. ред. М.В. Аникович, Н.Д. Праслов. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 1999. С. 30
10. Желтова М.Н. Костёнки 4: опыт реконструкции участка культурного слоя // Археологические вести. Вып. 20. Санкт-Петербург, 2014. С. 55-68.
11. Желтова М.Н. Планиграфический анализ жилых комплексов стоянки Костёнки 4: дис... к.и.н. Санкт-Петербург, 2016.
12. Иванова М.А. Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического и типологического анализа кремнёвого инвентаря): дис... к.и.н. Ленинград, 1984.
13. Лазуков Г.И. Характеристика четвертичных отложений района. Плейстоценовые отложения // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Ленинград: «Наука», 1982. С. 17-37.
14. Праслов Н.Д., Иванова М.А. Костенки 21 (Гмелинская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Ленинград: «Наука», 1982. С. 198-210.
15. Рогачев А.Н. Палеолитическое поселение Костёнки IV // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. IV. Москва-Ленинград, 1940. С. 36-41.
16. Рогачев А.Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону / МИА СССР. № 45. Москва: Издательство АН СССР, 1955. 163 с.
17. Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит СССР. Т. III / МИА СССР. № 59. Москва: Издательство АН СССР, 1957. С. 42-61.
18. Рогачев А.Н. Палеолитические жилища и поселения // Каменный век на территории СССР / МИА СССР. № 166. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1970. 208 с.
19. Рогачев А.Н. Костенки 1 (стоянка Полякова) / А.Н. Рогачев, Н.Д. Праслов, М.В. Аникович, В.И. Беляева, Т.Н. Дмитриева // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Ленинград: «Наука», 1982. С. 42-66.
20. Рогачев А.Н., Аникович М.В., Дмитриева Т.Н. Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Ленинград: «Наука», 1982. С. 92-109.
21. Рогачев А.Н., Аникович М.В. Костенки 9 (Бирючий Лог) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Ленинград: «Наука», 1982. С. 109-113.
22. Рогачев А.Н., Попов В.В. Костенки 11 (Аносовка 2) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Ленинград: «Наука», 1982. С. 116-132.
23. Рогачев А.Н., Беляева В.И. Костенки 13 (Кельсиевская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Ленинград: «Наука», 1982. С. 140-145.
24. Рогачев А.Н., Сеницын А.А. Костенки 15 (Городцовская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Ленинград: «Наука», 1982. С. 162-171.
25. Рогачев А.Н., Беляева В.И. Костенки 18 (Хвойковская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Ленинград: «Наука», 1982. С. 186-190.
26. Фергин В.Я. Скопление культурных остатков и погребение в Костенках 15 // Российский археологический ежегодник. № 5-6. 2015-2016. Санкт-Петербург: Издательство Гос. Эрмитажа, 2016. С. 36-52.
27. Федюнин И.В. Каменный инвентарь первого культурного слоя стоянки Костенки 11 в свете новых исследований и некоторые проблемы верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района // Археологические вести. Санкт-Петербург, 2017. С. 19-32.
28. Grigor'ev G.P. A new reconstruction of the above-ground dwelling of Kostenki I // Current Anthropology. 1967. Vol. 8, № 4 Oct. P. 344-349.

Zheltova Maria

«Houses» of the Alive and the Dead in the Paleolithic of Kostenki

Kostenki-Borschevo region on the Don represents a unique concentration of Paleolithic sites: from the earliest Upper Paleolithic to the latest (timeframe of Kostenki sites is from more than 42,000 years old to 14,000 years old). The cultural layers of Kostenki sites lie in the sediments of the first and second terraces above the floodplain. The second terrace above the floodplain on the right bank of the Don is composed of alluvial sediments repeatedly overlaid with the slide-rocks forming the top of the open-casts. Sand interlayers alternate with loams and loamy sands. The thickness of the sediments varies from 11 m to 20 m. The upper part of the open-casts includes two layers of humic loams, some open-casts have the interlayer of volcanic ash. Cultural layers are mainly present in the loess-type rocks, overlapping alluvial and gully draw sediments.

The remains of 60 settlements were found in the cultural layers of 21 sites (many of the sites are multi-layered). Besides, it is here that there is a rare for the Paleolithic concentration of dwellings and burials: the dwellings were found at nine sites (Kostenki 1 (I), 2, 4, 8, 11, 13, 19, 21), at another three sites the dwellings are assumed with various degree of confidence (Kostenki 3, 9, 15). At the same time, at the sites with undoubted dwellings there are sometimes other objects, the interpretation of which as

dwelling raises a number of issues. Burials were found at six sites (Kostenki 1, 2, 12, 14, 15, 18). The paper is devoted to the review of the diversity of the structures of dwellings and obsequies, since both best reflect the views of different groups of the primitive men about the structure of the world – the alive and the dead. In addition, the question is raised whether all objects introduced as dwellings are such.

Keywords: Kostenki, Upper Paleolithic, settlements, dwellings, burials

Надійшла до редакції / Received: 29.09.2018

Схвалено до друку / Accepted: 23.10.2018

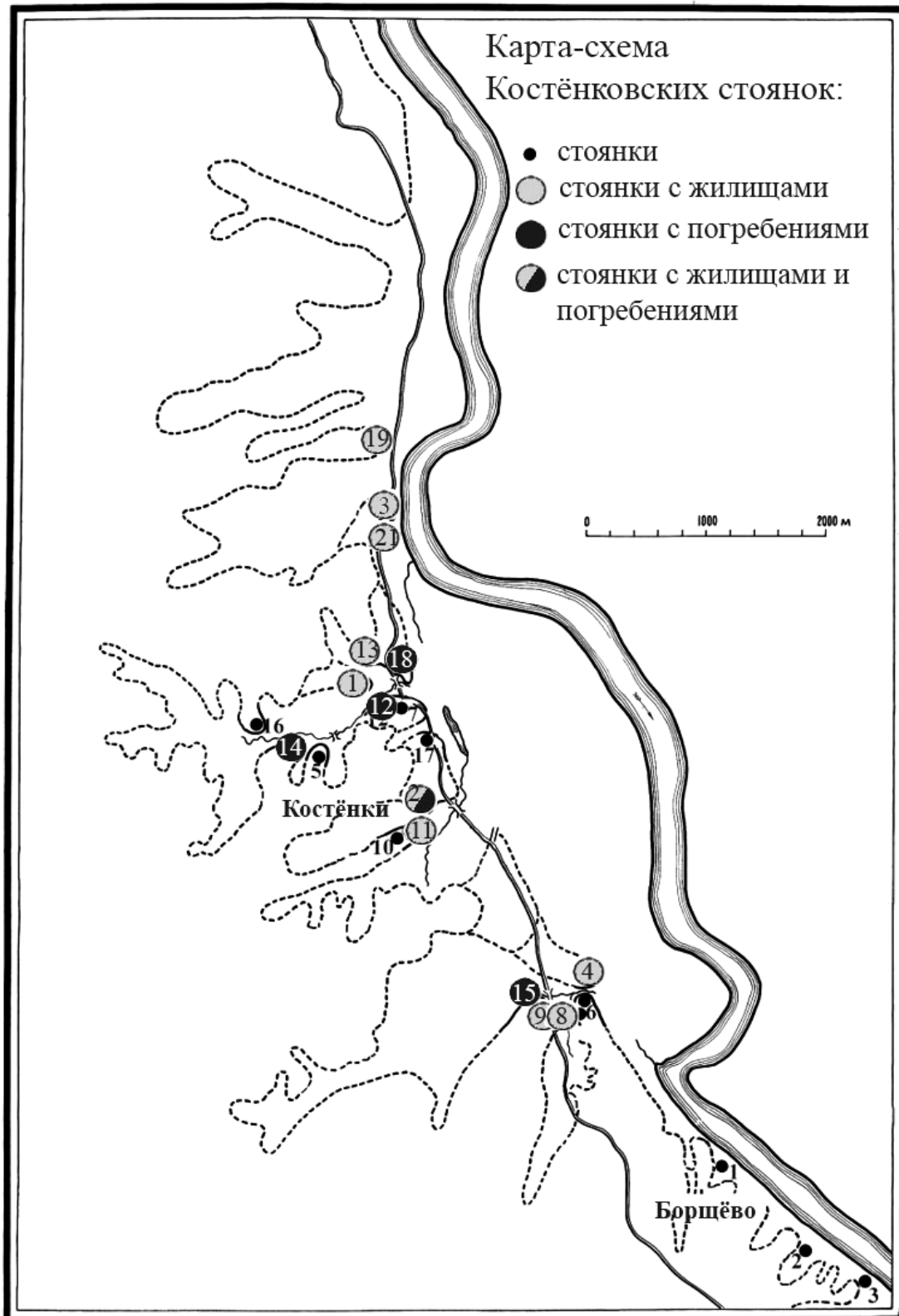

Рис. 1. Карта-схема верхнепалеолитических стоянок Костёнковско-Борщёвского района.

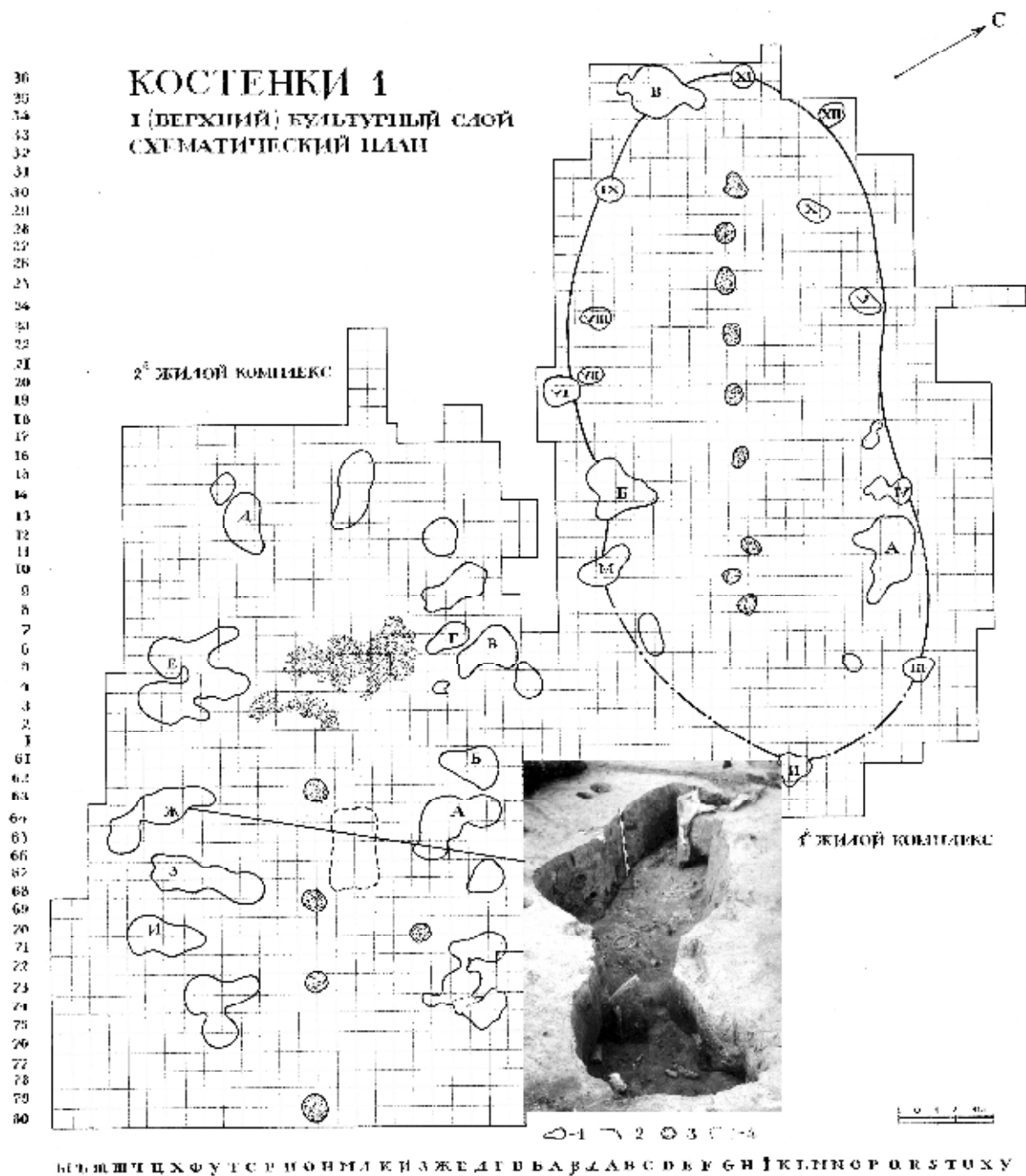

Рис. 2. Первый и второй комплексы верхнего слоя Костёнок 1 (1. границы палеолитических землянок и ям, 2. реконструируемые границы комплекса, 3. очаги и золистые пятна, 4. границы землянок XVII в.).

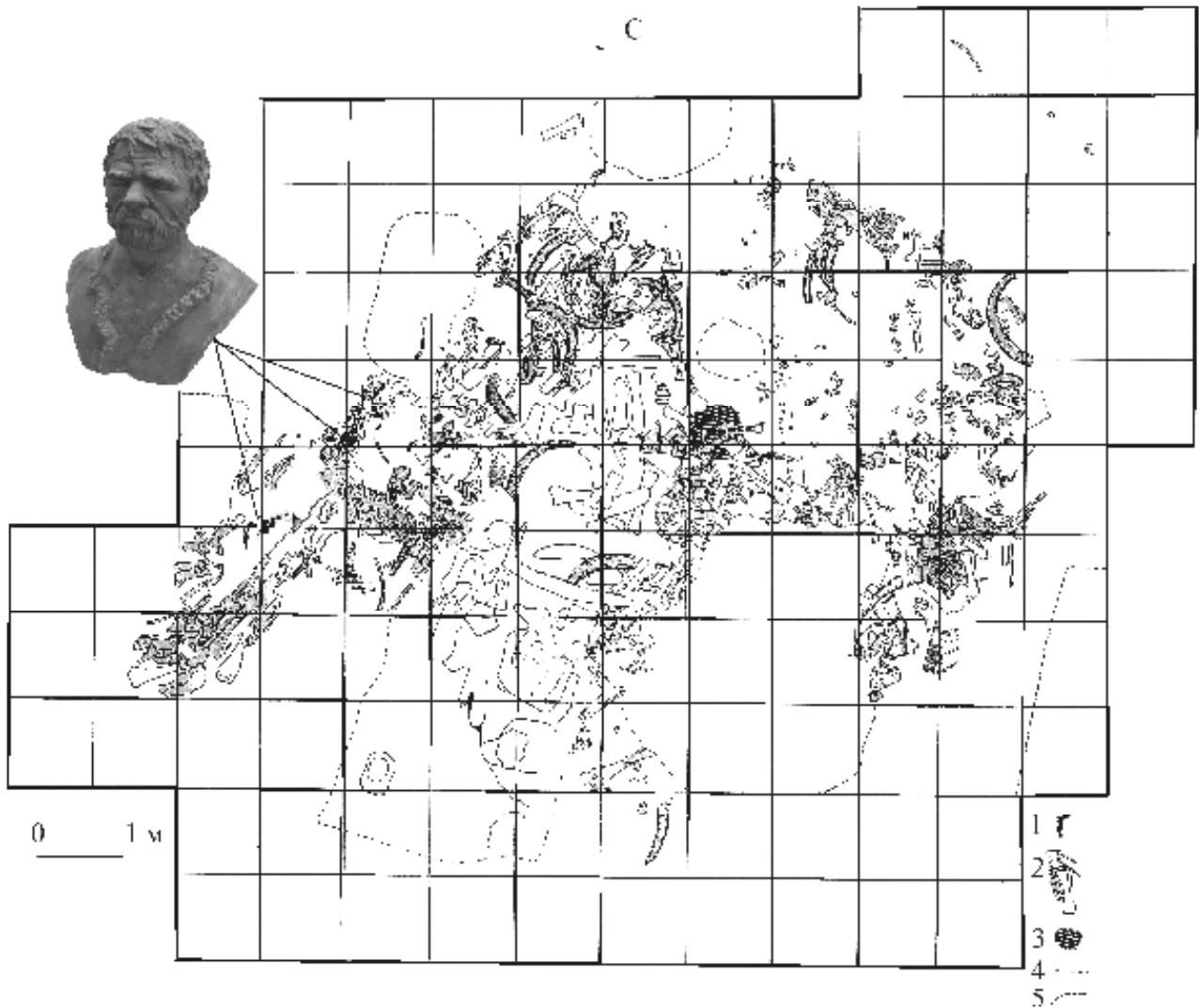
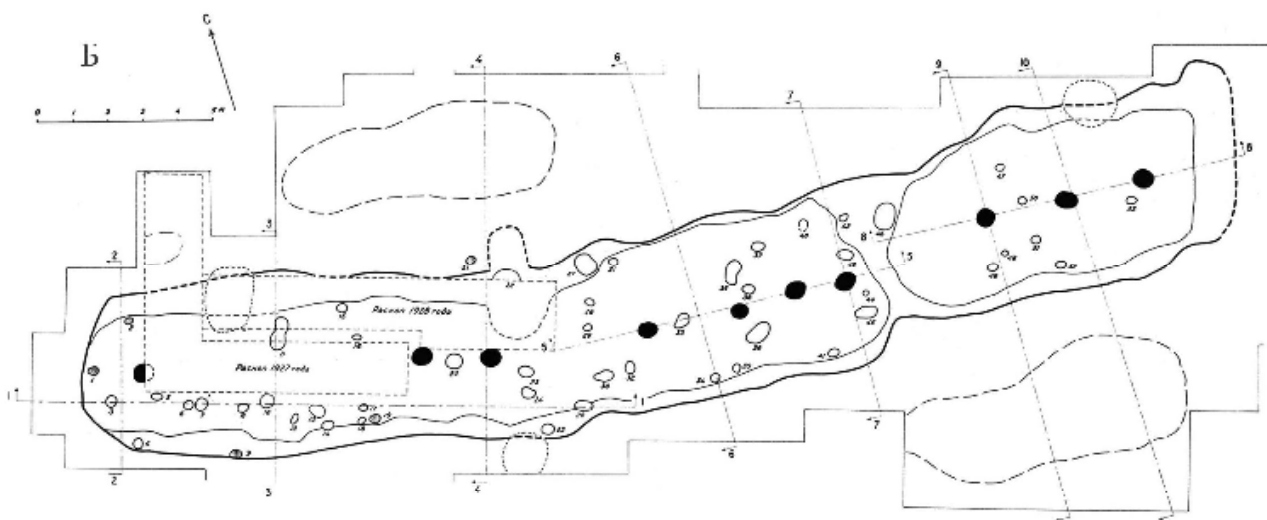
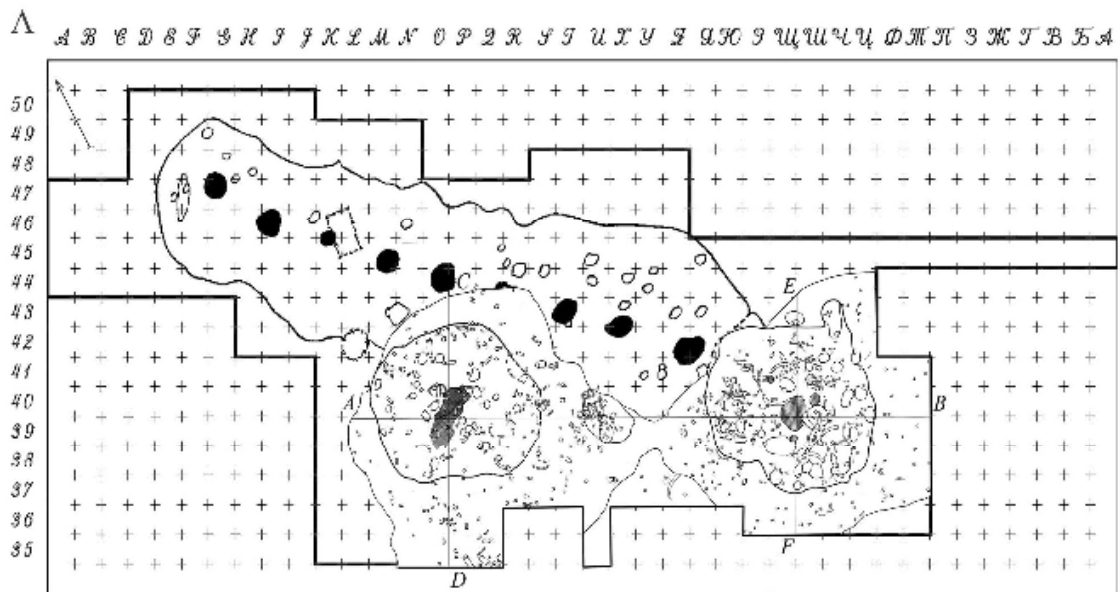

Рис. 3. Костёнки 2 (1. кости человека, 2. кости животных, 3. очаг, 4. границы раскопов Ефименко, 5. современные хозяйственные ямы, по: П.И. Борисковский, 1963).

Условные обозначения:

- Граница жилища
- Граница жилища с окрашенным слоем
- Внутрь жилища
- Очажные углубления
- Ямы
- ⊗ Предполагаемые ямы от столбов
- Границы стеленной культуры на территории поселения

Рис. 4. Костёнки 4: А. северный жилой комплекс, Б. южный жилой комплекс.

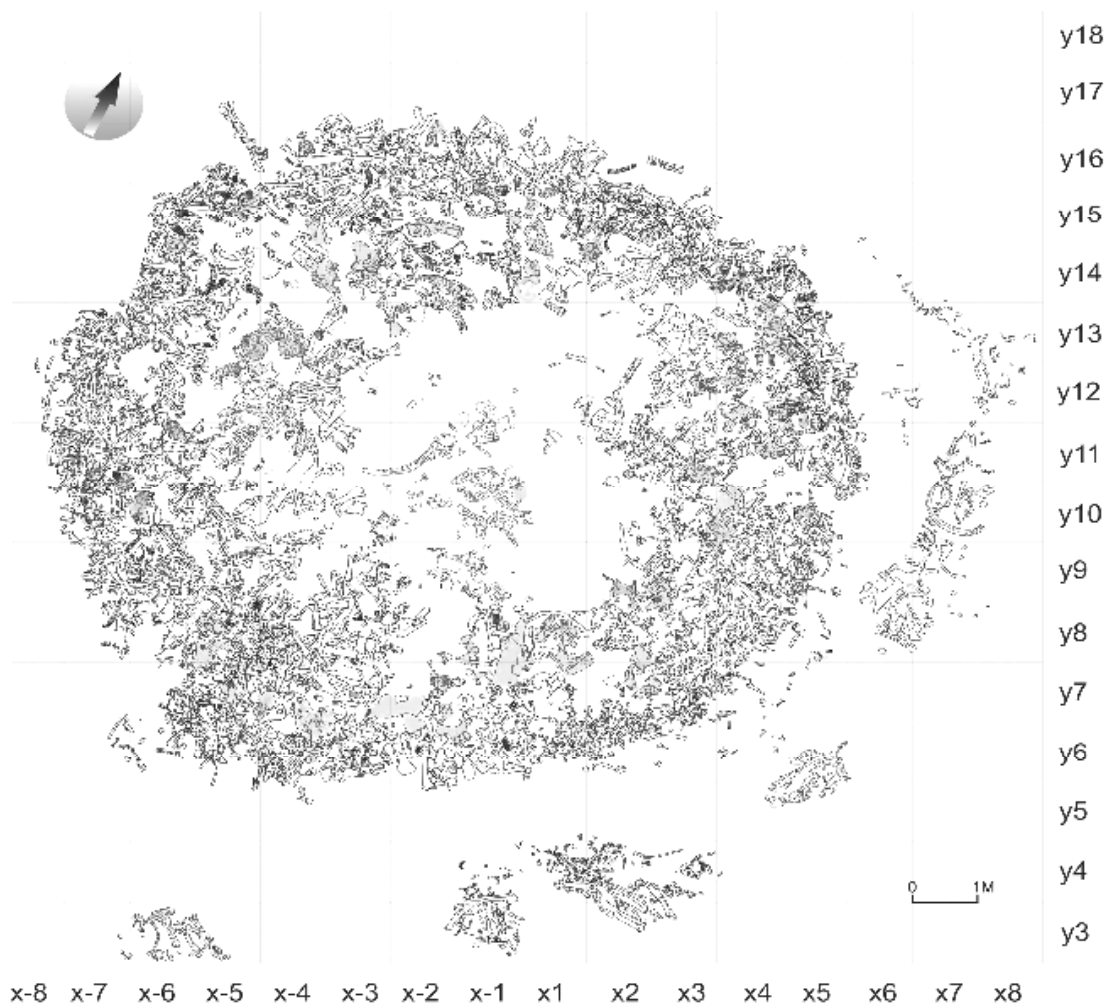

Рис. 5. Костёнки 11, новый комплекс. Общий вид и план распределения костных остатков (по А.Е. Дудин, 2018).

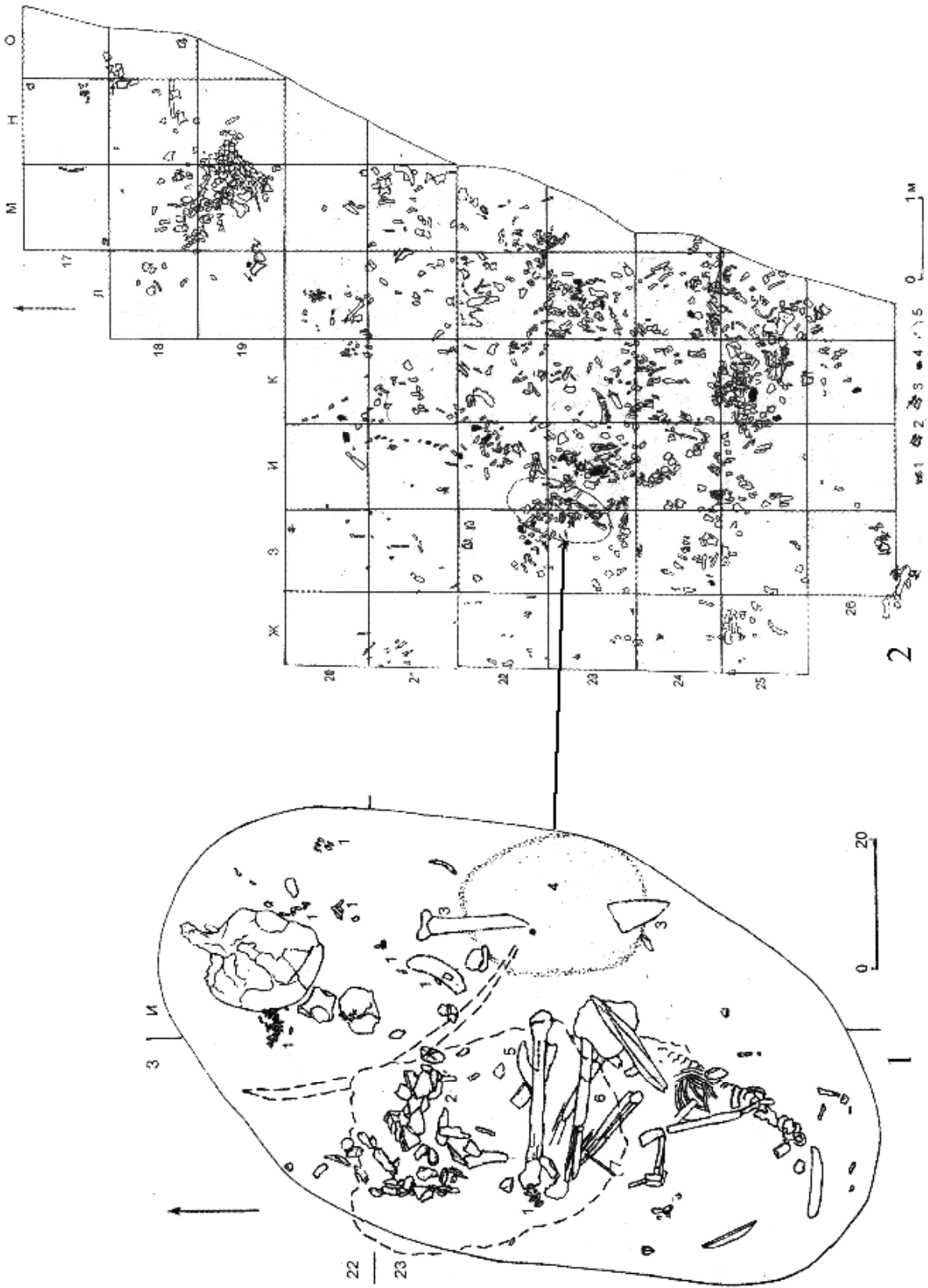

Рис. 6. Костёнки 15: 1 – погребение (1 – подвески из зубов пса, 2 – кремневые изделия, 3 – костяной нож, 4 – куча ярко-желтой глины, 5 – нижняя челюсть, 6 – лощило, 7 – игла); 2. Скопление культурных остатков (1 – кости животных, 2 – кость, залегающая с большим наклоном, 3 – кость в положении, близком к вертикальному, 4 – камень, 5 – граница могильной ямы) (по В.Я. Сергин, 2016).

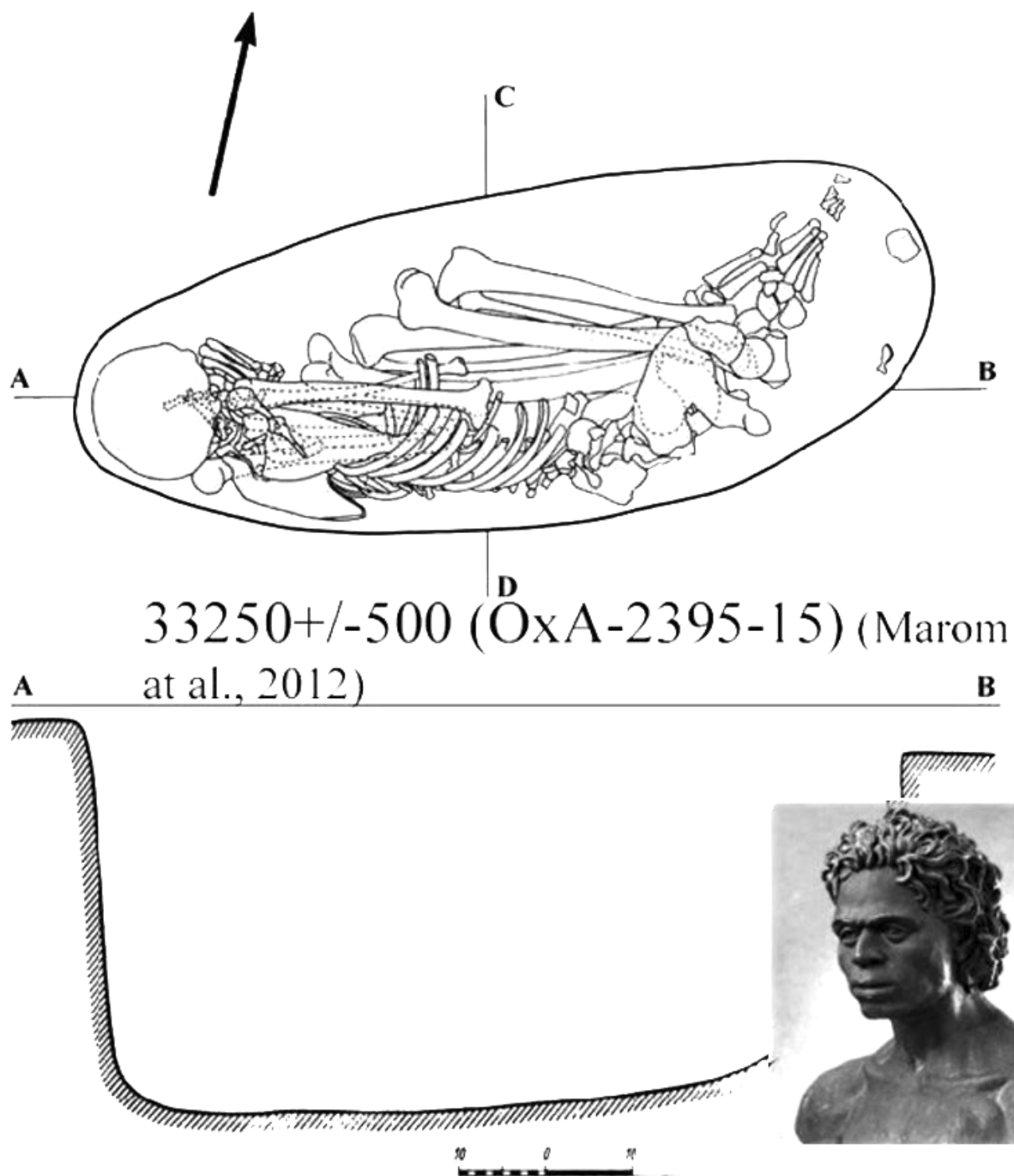

Рис. 7. Костёнки 14: план и профиль могильной ямы, реконструкция М.М. Герасимова по черепу погребенного, радиоуглеродная датировка по его костям.

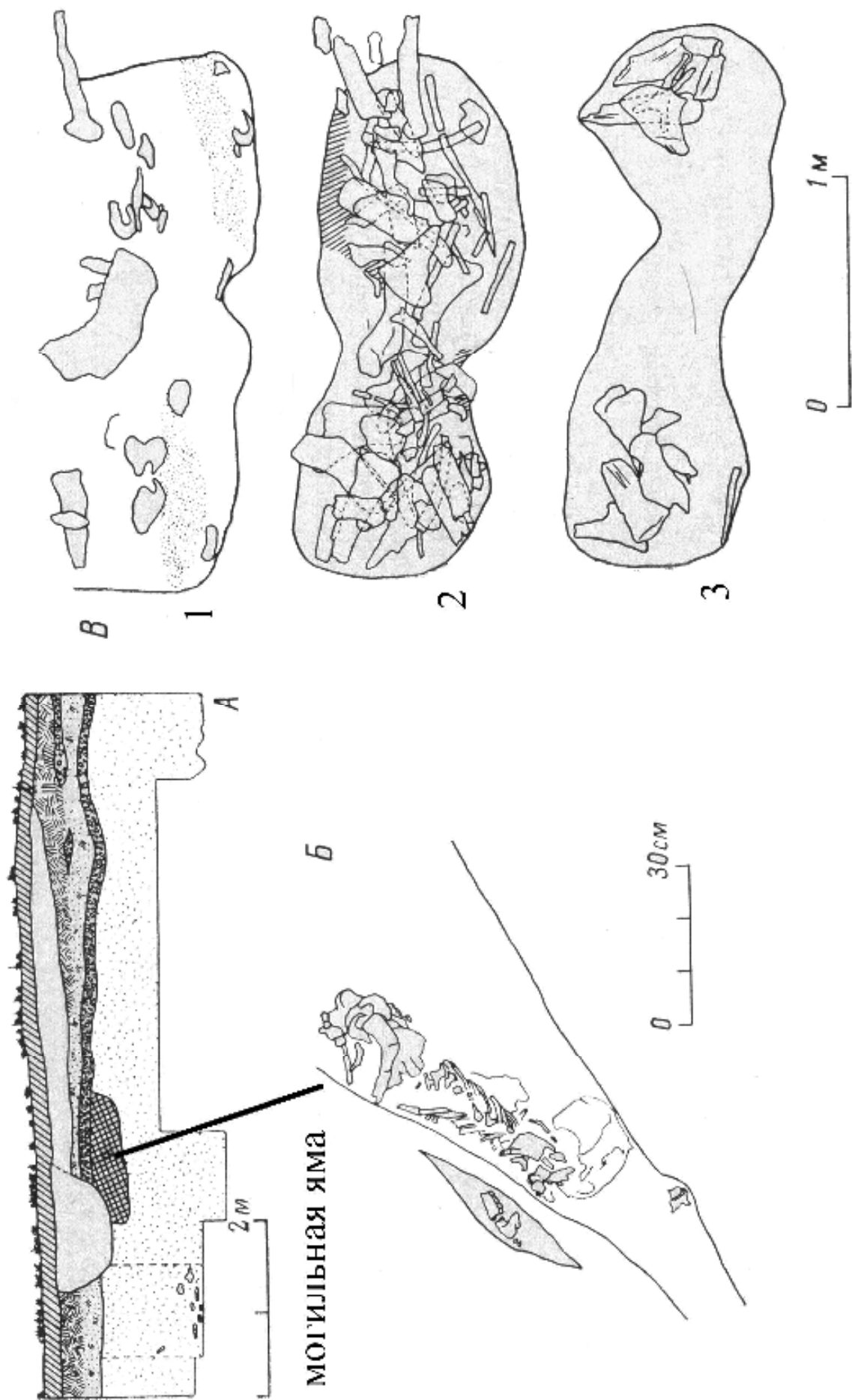

Рис. 8. Костёнки 18: А. разрез памятника с могильной ямой, Б. могильная яма в плане, В.1. продольный разрез могильной ямы, 2. верх заполнения, 3. нижний уровень заполнения (по: Рогачёв и др., 1982).